

18+

Татьяна Драго

13 ЛЕТ С ТОБОЙ
И ВЕЧНОСТЬ
БЕЗ ТЕБЯ
РПП

Татьяна Драго

**13 лет с тобой и вечность
без тебя. РПП**

«Издательские решения»

Драго Т.

13 лет с тобой и вечность без тебя. РПП / Т. Драго —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644512-3

Что это — РПП? Скорее всего, некоторые, а может быть и многие когда-либо слышали об этом. РПП (расстройство пищевого поведения) — это не просто заболевание:— это разрушительная практика и иллюзия контроля— то, о чем вслух не говорят и пытаются молчать— то, что каждый день приносит смерть и врывается во множество семей— то, что поддается лечению. Книга Татьяны Драго, основанная на автобиографии, историях пациентов, врачей и психологов, дает знания и понимание этой страшной и коварной болезни.

ISBN 978-5-00-644512-3

© Драго Т.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	7
Глава первая.	9
Глава вторая.	12
Глава третья.	14
Глава четвёртая.	16
Глава пятая.	21
Глава шестая.	27
Глава седьмая.	33
Глава восьмая.	38
Глава девятая.	40
Глава десятая.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

13 лет с тобой и вечность без тебя. РПП

Татьяна Драго

Вдохновитель Нервная анорексия с булимическими расстройствами

Редактор Марта Шарлай

Корректор Ирина Суздалева

Интервью Врачи, персонал и пациенты ЦИРПП

Рисунки Девочки-пациентки ЦИРПП

Обложка Рита Х. (пациентка ЦИРПП)

Поддержка Семья

© Татьяна Драго, 2025

ISBN 978-5-0064-4512-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я хочу начать свою книгу со своего диагноза: *нервная анорексия с булимическими расстройствами*. Диагноз был поставлен мне всего лишь несколько лет назад, притом, что страдаю я от этого недуга уже более 13 лет и дважды находилась на лечении в одном из двух специализированных Центров в России, занимающихся именно данной проблематикой и данной болезнью. Что означает мой диагноз? Попросту говоря, это неконтролируемое переедание с последующим очищением организма через рвоту и слабительные средства, а также чрезмерные спортивные нагрузки ради освобождения от лишних килограммов.

Зачем я пишу эту книгу? Я хотела бы, чтобы как можно больше людей узнали о подобных болезнях. Сведения об анорексии дошли до нас ещё со времен Древнего Рима, а некоторые современные специалисты предполагают, что развитие расстройства пищевого поведения может быть обусловлено генетическими причинами. Это не нечто надуманное, а то, что существует объективно. Я решила рассказать о том, как болезнь начиналась и развивалась у меня, как я ей сопротивлялась и надеялась на полную ремиссию. Кроме того, я собрала истории девушек, которые делились со мной своими тяжёлыми, печальными, душераздирающими, а иногда и радостными в конце концов историями жизни и болезни. И ещё я общалась со многими специалистами, интервью с которыми вы найдёте в моей книге.

Всё, что здесь написано, – чистейшая правда, без вымысла и преувеличений. Я действительно хочу, чтобы люди знали об анорексии и булимии – умели их выявлять, различать и справляться с ними. Помогать и сочувствовать. Наконец, может быть, моя книга спасёт хотя бы одну жизнь.

Нежна, коварна и упорна. Представление болезни
Рисунок Риты Х.

Глава первая.

Детство, или как всё начиналось

Не могу сказать, что помню всё до мельчайших деталей, но постараюсь восстановить хронологию событий.

Я родом с Камчатки, из очень маленького городка с населением около 30 тысяч человек, где люди живут довольно бедно и в основном за счёт рыболовных промыслов.

Я никогда не была худышкой, но и полной меня назвать было нельзя: абсолютно нормальный, хорошо питающийся советский ребёнок. По своей конституции я, наверное, пошла в папу. Сегодня его сложение можно назвать нормальным, среднестатистическим, а в детстве он был «сбитым» мальчуганом, очень любил покушать и никогда не отказывался ни от чего съестного. Папа рассказывал нам с сестрой:

– Когда я был совсем маленьким, пришёл в гости к бабушке, а она беляши пекла, так вот я их штук пятнадцать за раз съел. Они были такие вкуснющие!.. Правда, потом мне было плохо.

Наша мама тоже любит вкусно поесть, больше всего с самого детства её манят десерты и конфеты. Маме тоже было что нам с сестрой рассказать о своей страсти:

– Мне было лет шесть-семь. Родители ушли на какой-то концерт и, зная о моём неровном отношении к конфетам, спрятали их на самую верхнюю полку в шкафу. Я, как только захлопнулась входная дверь, конечно же, немедленно начала детективное расследование, которое увенчалось успехом – конфеты были обнаружены. Я не помню, сколько там было, – большой кулёк, но я справилась с ними всеми. Мне было так плохо. Когда вернулись родители, они нашли меня еле дышащей от боли и немедленно вызвали скорую. Слава богу, всё обошлось... Однако это происшествие не отбило у меня охоту лакомиться сладостями.

От отца я унаследовала плотное строение лица, оно всегда создавало впечатление, что я полнее, чем на самом деле. А кроме того, я всегда комплексовала по поводу своих икр: мне они казались огромными, абсолютно неизящными. Дело в том, что я с раннего детства занималась горнолыжным спортом (выигрывала даже какие-то соревнования), из-за чего ноги были очень накачанными.

Что касается психологического фона, то здесь вряд ли наша семья была какой-то особенной. Папа достаточно строгий, мама более лояльная. По словам мамы, я всегда была жизнерадостной и общительной девочкой. В садике и начальной школе я примерно себя вела, отлично училась и, как говорили родители, подавала пример остальным.

В детском саду мне нравилось, у одной воспитательницы я даже была любимицей. Она всегда плела мне красивые косы и окружала дополнительной заботой. Не помню, было ли у меня много друзей, но с двумя девочками мы дружили все школьные годы; потом, к сожалению, из-за случайности потеряли контакт навсегда.

Очень хорошо я помню садиковскую еду, до сих пор ненавистную. Жёлтый манговый сок, ужасно пахший елкой, – и откуда нам его привозили? Разные запеканки, перловка и пшёнка с частенько попадающимися неочищенными зёрнами. Рассольник и все блюда с перловой крупой. Повара детского сада, казалось, позаботились о том, чтобы на всю оставшуюся жизнь отбить у меня желание есть её. Правда, забегая вперёд, скажу, что придёт время, когда я посмотрю на эту крупу совершенно другими глазами; теперь перловка обязательно входит в мой рацион минимум трижды в неделю.

Главное событие моего детства – рождение сестры. Мне было четыре с половиной, когда родители преподнесли мне этот необычайный подарок. Будучи маленькими, мы с ней ужасно ссорились и дрались, но, повзрослев, превратились в хороших подруг.

Мы очень разные. По своей натуре я очень аккуратна и прилежна. На моих многочисленных полках всегда царил порядок, а на письменном столе всё лежало идеально, карандаш к карандашу, тетрадки в ровненькой стопке, фломастеры красиво запечатаны в своих коробках и т. д. Представьте, какой меня охватывал ужас, когда моя сестра, полная моя противоположность, разводила жуткий беспорядок в моих сокровищах. Она переворачивала всё вверх дном, грызла ручки, размазывала краски, портила фломастеры, рисуя ими везде, где только можно, и так далее и тому подобное.

Самую большую обиду я испытывала, пожалуй, когда в таких ситуациях, прибегая к маме и папе за поддержкой, встречала категоричное: «Ты же старшая, должна быть умнее», а позже, когда возрастная разница перестала иметь значение: «Разбирайтесь сами, вы уже взрослые». Я и сейчас, вспоминая, просто ненавижу эти фразы.

Кстати говоря, сестра вскоре научилась довольно грамотно пользоваться своим положением. Например, она могла сама себя укусить, оставив заметный след на какой-то части своего тела, и начать плакать. Родители вбегали в детскую, бросались к плачущей младшей дочери, у которой наготове был указующий перст, направленный в мою сторону. Причитая, она говорила, что я обидела её, что-то пожадничала. И конечно, мне выговаривали: «Надо уметь уступать младшим», «Нужно находить общий язык друг с другом», а напоследок: «Ну ведь ты же старшая!»

Вообще, в отличие от моей сестры-бунтарки, я росла послушным и прилежным ребёнком. Но и меня наказывали, бывало. Например, когда мы с сестрой не заправляли кровать, следующую ночь должны были спать в углу; если не убрали свои вещи, то родители забирали их, уверяя, что выбросят, но, правда, не делали этого и через какое-то время, довольно длительное, возвращали, смягчившись от нашей с сестрой мольбы: «Ну пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста!»

Нам запрещалось гулять допоздна и оставаться с ночёвкой у подруг. Любой макияж – табу. Но с этим запретом я справлялась хитростью: выходила из дома и кое-как в полутьме подъезда красила веки и ресницы, а перед возвращением домой где-нибудь смывала косметику: в луже, если это было лето, зимой для снятия макияжа применялся снег.

С самого раннего детства родители пытались развить в нас с сестрой множество талантов. Горнолыжным спортом я занималась всерьёз и довольно успешно, но были и другие кружки, секции и дополнительные занятия – скучать не приходилось. По настоянию родителей я окончила художественную школу, отделение живописи. Художку я просто ненавидела, академическое направление – не моё. Я всегда хотела заниматься прикладным искусством. Но родители решили, что это не для меня. В результате рисовать я так и не научилась, хотя корочка об успешном окончании художественной школы лежит.

Все эти строгие меры воспитания не отменяют того, что у меня самые лучшие, по-настоящему любящие и заботливые родители. Из каких только передрыг они не вытаскивали меня и мою сестру! Они всегда были рядом, даже когда физически находились довольно далеко. И всё-таки они подарили нам с сестрой прекрасное детство.

Каждый год мы летали в отпуск на море, где я ощущала себя очень счастливым ребёнком. Наш путь обязательно проходил через столицу нашей родины – Москву. И каждый раз мы всей семьёй посещали «Макдоналдс» на станции метро «Пушкинская». Там всегда были огромнейшие очереди. Но мы с сестрой послушно ждали момента, когда нам в руки упадёт заветный Happy Meal с игрушкой.

Зимнее время тоже проходило очень весело. Снега в наших краях – завались, и снежные забавы, и радость, с ними связанная, были нескончаемы. Мы лепили снеговиков, строили снежные туннели и замки, трясли деревья, создавая вихрь и снежную бурю, прыгали с гаражей в снежные перины... Иногда, говоря по секрету, мы даже выкидывали в эти перины кота со второго-третьего этажа и наблюдали, как бедняга выгребается оттуда.

Да, в детстве я всё-таки была счастлива...

Глава вторая. Время подростка

Я входила в раздражительный подростковый возраст, когда моя сестра пошла в первый класс. К порядку она так и не приучилась, поэтому, не находя своих вещей, нагло тащила у меня, и конечно, меня это ужасно бесило и раздражало. Проблема была не в том, что я не хотела делиться, но в том, что сестра, взяв у меня любую вещь, либо не возвращала её совсем, либо отдавала в не очень пригодном состоянии.

Кроме конфликтов с сестрой, раздражающим для меня фактором был волнистый попугай Кеша, который прожил с нами достаточно долгое время, кажется, до моего переезда в Санкт-Петербург. Завести попугая было целиком и полностью моей идеей. Родители дали согласие при условии, что уход за Кешей будет всецело моей ответственностью. Обязательная недельная чистка клетки, ежедневное засыпание корма, замена питьевой воды, уборка птичьих отходов жизнедеятельности по всей квартире – всё это казалось мне почти непосильным, хотя наша квартира не была огромной. Кроме того, этот злосчастный попугай грыз абсолютно всё бумажное, что ему попадалось под клюв: большинство моих учебников и тетрадок было надкусано по бокам или линиям сгибов. И это невообразимо злило и бесило меня, аккуратистку. Кроме того, каждое божье утро, с восходом солнца, мой попугай начинал громко, заливисто чирикать. Тогда я закрывала Кешину клетку простынёй и ставила её в тёмную ванну – для него наступала ночь, и Кеша прекращал свои верещания. Устанавливалась тишина – для меня наступал рай.

В школе постепенно мне становилось неуютно. В классе восьмом-девятом я была достаточно упитанной девушкой, не толстой, нет, но всё равно многие юноши-одноклассники обзывали меня жирной, жиротрестиной, жирдяем, и всё в таком роде. Подростки бывают очень жестоки.

Я очень хотела дружить с девочками постарше и непременно быть похожей на них. Я старалась одеваться как они, посещать общие с ними мероприятия, заводить с ними какие-то разговоры. Я не курила и не пила и, возможно, поэтому не попадала в круг избранных, но мне этого ужасно хотелось. Наконец лет в пятнадцать я решила поэкспериментировать с различными диетами. Первое, что я попробовала, – наесться до отвала до двух часов дня, а после этого вообще ничего не есть. Так я скинула два килограмма, не больше. На тот момент мой вес при росте 159 см составлял примерно 57—58 кг.

В десятом классе я сильно увлеклась спортом. Практически каждое утро я уходила в лес и бегала по пять километров, плюс к этому занималась фитнесом и различными классами по степ-аэробике, а к тому же подрабатывала уборщицей в хлебопекарне моего отца: и дополнительный заработок, и дополнительная физическая активность, недостатка в которой я и так не испытывала.

Постепенно я начала ограничивать себя в еде ещё больше: могла достаточно плотно позавтракать, однако потом в течение всего дня съесть, например, только одно печенье или яблоко. И тут я начала довольно быстро терять вес, что мне нравилось. Меня всё больше и больше затягивало стремление обрести идеальную фигуру.

Рвоту тогда ещё я не вызывала, но, всё больше узнавая о своей болезни, я склоняюсь к тому, что изнурительные физические нагрузки тоже можно отнести к компенсаторному поведению.

Мои одноклассники и даже старшеклассники стали обращать внимание на мою постройневшую фигуру, делали комплименты, приглашали на вечеринки. Мне это, конечно же, очень льстило и вдохновляло меня на продолжение эксперимента.

Несмотря на то, что я стала проводить много времени на вечеринках, я оставалась примерным ребёнком: не пила и даже ни разу не пробовала курить. Возможно, поэтому девочки из старших классов, с которыми я стремилась дружить, так до конца и не впустили меня в свой круг общения. Это очень подрывало мою самооценку и уверенность в себе. Кроме того, практически все мои ровесницы уже встречались с парнями, а я была как будто не до конца сформированной девочкой-подростком, с которой никто не стремился заводить отношения.

В это же время мои родители решили нанять мне одного из самых сильных в нашем городе репетиторов по английскому языку, который спускал с меня три шкуры. День и ночь со слезами на глазах я корпела над учебниками. Я не очень склонна к языкам, они всегда давались мне с большим трудом, но жизнь заставила меня выучить в совершенстве английский и немецкий, и я этим горжусь. А кроме того, языки пригодились мне в приумножении семейного бюджета. Но в тот момент я просто ненавидела и английский, и репетитора, и своих родителей. Дополнительные занятия отнимали у меня колоссальное количество времени, которое я хотела проводить с друзьями.

Повзрослев, я поняла, как бесконечно благодарна своим родителям. Они вкладывали каждую сэкономленную копейку в меня и моё обучение. Да, будучи подростком, я обижалась и даже злилась на них, когда они запрещали мне поздние походы в гости, ночёвки и много других вещей, которые пятнадцатилетняя девушка ощущает как жизненно необходимые. Но, вернувшись спустя десятилетие на малую родину (я приехала сюда на пару недель в гости), я увидела все «прелести» отчуждённого российского посёлка и смогла наконец осознать, как много сделали для нас с сестрой родители: благодаря им мы вырвались отсюда. Контраст был особенно заметен на фоне рафинированной европейской Вены, где я жила уже достаточно долгое время.

Глава третья.

Питерские годы

Окончив десять классов, я поехала учиться в Санкт-Петербург. Во-первых, получить хорошее высшее образование в моём родном городе или поблизости было невозможно. А во-вторых, побывав в Питере ровно за год до этого решения, я влюбилась в него. Наикрасивейший, дружелюбный, пылающий красками и дышащий историей город. Петербуржцы действительно очень милые, начитанные и образованные люди. Не зря этот город называют культурной столицей России.

Мы заканчивали девятый класс, когда моя лучшая подруга, Марина, переехала в Санкт-Петербург. Кажется, её мама получила там двухкомнатную квартиру. А через год моя мама попросила маму Марины приютить меня, пока я буду заканчивать школу. Так я оказалась в городе на Неве, который вскоре стала ощущать своим.

Как только я поступила в университет, родители купили мне квартиру возле станции метро «Купчино». Конечно, по питерским меркам район не лучший, с совершенно неразвитой городской инфраструктурой, а тогда, в 2004-м, и не самый благополучный.

Моя подруга жила в двадцати минутах езды от станции метро «Пионерская», неподалёку от Шуваловского проспекта. Тогда этот район был совсем новым, вокруг леса и парки, свежий воздух – наслаждение.

Одиннадцатый класс я заканчивала в той же школе, что и Марина. Программа мне давалась очень тяжело, было много материала, который в моей прежней школе мы не проходили, а здесь его разобрали уже два года назад, особенно это касалось алгебры и геометрии. Я и вообще абсолютный гуманитарий, а пробелы в точных науках, в которых я и без того не сильна, превращали мою учёбу в ад. Марина помогала мне – подтягивала как только могла.

Маринина мама – она растила дочь одна – всё время работала, так что по большей части мы с подругой были предоставлены сами себе.

У моих родителей в это время был финансовый кризис. Зарплаты маленького провинциального городка не шли в сравнение с зарплатами многомиллионного столичного города. Мама и папа, конечно, высылали мне деньги, но эти крохи не покрывали моих нужд и запросов, поэтому мы с моей подружкой постоянно подрабатывали на различных промоакциях: раздавали шоколадки, йогурты, жевательные резинки, печенье и прочее. Назывались модным тогда словом – промоутеры.

За год пребывания в Питере я очень поправилась. Последние два года мой рост оставался на отметке 163 см, при этом в сентябре 2003-го я весила примерно 54—55 кг, а ровно через год на десять килограммов больше. Мои одноклассники, несмотря на то, что это были уже достаточно взрослые ребята, стали надо мной подшучивать и бросать в мой адрес не самые приятные эпитеты типа жирдяйка, колобок и тому подобные. Меня, конечно, всё это не могло не расстраивать, но я старалась оставаться позитивной, не обращать внимания на оскорбления. Вот только на личном фронте было совсем не очень. Все с кем-то встречались, а я – одна. Никто не выказывал мне знаков внимания, не дарил подарков, не признавался в любви. Я погружалась в уныние и тоску.

Вес я тогда набрала, потому что активно налегала на хлебобулочные изделия и частенько ела на ночь глядя. Марина при абсолютно таком же питании оставалась стройной. Ох, как мне хотелось того же! Не думать во время каждого приёма пищи, что прямо сейчас я набираю лишние граммы и килограммы. Скорее всего, тогда и пришла мне в голову идея о том, что, переев, можно избавиться от лишнего. Происходило это нечасто, раза два-три в неделю, обычно после плотного ужина. Я запиралась в ванной, после себя всё аккуратно вычищала.

Вечерние процедуры вскоре стали отнимать у меня достаточно много времени, превратились в своеобразный ритуал.

Моё компенсаторное поведение то становилось реже, то учащалось, но я не была ещё зависима от него, оно не диктовало мне правила игры. Я училась, общалась, находила друзей и грезила поездкой в Америку. А ещё я постоянно думала, почему судьба распорядилась так, что мои подружки уплетали по две-три булки на каждой перемене и оставались стройными или даже худыми, а меня разносило вширь, стоило мне съесть лишний кусочек. Ну почему жизнь так несправедлива и трудна?!

Помимо учёбы в школе, я посещала подготовительные курсы для поступления в СПб-ГУЭФ, которые требовали колоссальных затрат энергии. Я справлялась. Благодаря моему усердию и старанию я смогла поступить в один из престижнейших экономических вузов страны.

Я мечтала быть врачом или заниматься прикладным искусством, но родители выбрали для меня другой путь. С одной стороны, я благодарна им за это: экономический диплом не раз спасал меня; с другой стороны, я чувствую разочарование: мои мечты не сбылись.

После зачисления в университет я поехала навестить моих родителей, на Камчатку. Там я встретила давнего знакомого, мальчика, с которым когда-то отдыхала в известном лагере (теперь это Всероссийский детский центр) «Орлёнок». Мальчик существенно подрос и возмужал, и как-то по-особенному стал мне симпатичен.

Однажды я зашла к нему в гости на чай, родителей дома не оказалось, и само собой вышло, что я осталась на всю ночь. Это был мой первый сексуальный опыт, о котором я совсем не жалею и который тёплым воспоминанием остался в моей душе.

Глава четвёртая.

Американская мечта

В Америку я стремилась давно. Я всегда хотела пожить там. Нет, не переехать, а именно пожить какое-то время. Такое стремление было прежде всего связано с огромнейшим желанием выучить английский язык и узнать культуру другой страны. Родители знали об этом, но, к сожалению, никак не могли помочь мне финансово. И всё-таки они приложили все возможные усилия, чтобы я могла осуществить свою мечту. Мой репетитор английского, один из лучших в нашем городе, действительно здорово подтянул меня. Конечно, это было далеко от Perfect English, но всё же в то время, учитывая мои прежние знания и навыки, я очень сильно продвинулась.

Сейчас я могу сказать, что глубоко разочарована в системе преподавания иностранных языков в российских школах и вузах. Нам долбят, долбят и ещё раз долбят письмо и грамматику, почти не уделяя внимания устной речи, живому разговору на актуальные темы. И, выходя из университетских стен, по сути, никто из нас не может связать и пары фраз в непосредственном общении. С одной стороны, практически нет никакого словарного запаса, с другой – тебя подавляет огромный страх сказать что-то не так.

Как бы там ни было, поступив в университет, я стала изучать возможности съездить в Америку. Первая заинтересовавшая меня программа – Work and Travel. А почему бы и нет, подумала я, ведь это прекрасная возможность подучить английский, заработать денег и посмотреть страну.

Тогда, в 2006 году, отношения между Америкой и Россией были не столь напряжёнными. Поехать туда на заработки оказалось делом нехитрым. Практически сразу я нашла агентство, которое специализировалось на отправке молодых студентов по этой программе.

Американский штат я выбирала довольно серьёзно, остановилась на Неваде. Почему именно она? Очень просто: зимой там много снега и солнца, а поскольку я обожаю кататься на горных лыжах и сноуборде, то это место посчитала для себя идеальным. И предлагаемая работа – помощника официанта в ресторане сети крупнейших отелей страны – мне тоже пришлась по душе. Я заполнила все необходимые документы, получила визу, и вот оно, долгожданное событие, – я лечу в Америку!

Деньги у меня были только на первое время – родители немного помогли. Полная максималистских убеждений, я была твёрдо уверена: всё заработаю.

На мою удачу, в аэропорту я познакомилась с шестью девчонками, которые, как и я, ехали на работу в тот же отель. Все они были немного старше меня. В самолёте мы разговорились, быстро сблизились и приняли решение снимать жильё вместе. Но мы и подумать не могли, что аренда жилья станет огромной трудностью. Мы, даже объединив наши кошельки, располагали очень небольшой суммой, поэтому планировали арендовать что-то на срок не более трёх месяцев. Однако в Америке принято заключать договор аренды на гораздо больший срок, и агентства отказывали нам одно за другим.

Мы почти отчаялись, когда нам в голову пришла гениальная идея: достать все свои самые дорогие вещи и украшения, одеть с иголки двух из нас, лучше других владеющих языком, и отправить в агентство, где мы ещё не были. Это был последний шанс.

И вот две разряженные красотки без всяких комплексов говорят агентам по недвижимости: «Мы тут вообще-то надолго, и нам очень нужен большой дом». Видимо, они оказались более чем убедительны. Мы сняли большой двухэтажный дом на семерых. С девчонками мы жили по большей части дружно, ссоры случались, но несерьёзные.

Работа в ресторане была достаточно тяжёлой. Не только физически: целый день на ногах, морально тоже. Каждый клиент чего-то от тебя хочет, и тебе нужно его понять. А учитывая, что у американцев своеобразный акцент (и он отличается у выходцев из разных штатов), давалось мне это совсем нелегко.

Платили сущие копейки. Основная зарплата начислялась по очень смешной ставке, к ней добавлялись чаевые, на которые невозможно было рассчитывать: то ничего, то крохи. Да и делились чаевые на весь персонал ресторана.

Уверенность, что я смогу заработать не только на жизнь в Неваде, но и поездки по Америке, довольно быстро ослабла. После трёх месяцев, отведённых на работу, четвёртый предназначался для путешествий, но смогу ли я поехать отдыхать при таком заработке?

Питались, конечно, беспорядочно: хлопья на завтрак, низкие по себестоимости обеды в столовой отеля, ужинали когда и где придётся. Как и все американцы, налегали на пищу, пончики, чипсы и прочую дребедень. Развели замечательные китайские рестораны с безлимитным шведским столом и наедались там до отвала. Ну как тут не пойти вширь?!

Надо сказать, что на момент моего отъезда из России проявления компенсаторного поведения случались у меня редко: может быть, раз или два в три-четыре месяца. Я связываю это прежде всего с тем, что довольно неплохо питалась тогда, регулярно во всяком случае, и мой организм получал все необходимые вещества. Мой вес полностью соответствовал норме: 56—57 кг при росте 163 см. Я не взвешивалась по утрам (насколько я помню, у меня даже не было весов) и спортом занималась без лишнего усердия: три раза в неделю степ-аэробика и пару раз плавание. И никаких дополнительных физических нагрузок.

Казалось бы, с американским питанием я должна была поправиться минимум на десять – пятнадцать килограммов, но моя прибавка в весе составила килограмма три, не больше. Я связываю это прежде всего с тем, что в ресторане у меня было много беготни и физических нагрузок. Мои соседки, чья работа была по большей части сидячая, набрали как раз по восемь – десять килограммов. Но, несмотря на это, их всё устраивало, они продолжали жить весело и счастливо. Я же всё больше комплексовала.

Спустя какое-то время в моей жизни случился весьма резкий поворот. Меня навестил сын одной из давних подруг моей мамы. Он иммигрировал в Америку в 90-е годы. Илья мне сразу понравился. Он был хорошо сложен, симпатичен и приятен в общении. Пробыл он в нашем с девушками доме пять-шесть дней и предложил мне переехать к нему, в штат Калифорния. Я, недолго думая, согласилась. (Знала бы я тогда, чем всё закончится, никогда бы не пошла на этот шаг.) Мне было безумно жаль покидать моих подруг, с которыми мы очень сблизились, стали почти сёстрами друг другу.

Илья со своими мамой и младшим братом жили в небольшом городке около Сан-Диего, в частном доме. Эйфория от прекрасной и безоблачной жизни здесь, которая мне грезилась поначалу, продлилась совсем недолго. С каждым днём я всё больше осознавала, что на самом деле меня ожидает. Общественного транспорта нет. Жители городка – неважно куда: в магазин, аптеку, к доктору, в детский сад, школу – ездят на своих автомобилях. (У меня тогда уже были права, но, на своё несчастье, умела я водить лишь машину с автоматической коробкой пере-дач. Практики, которую нам давали в российской автошколе по вождению механики, у меня практически не было, а справиться с выпускными экзаменами помог полицейский ГИБДД.) Таким образом, я оказалась птицей, запертой в золотой клетке. Шикарный дом, иностранные книги, спутниковое телевидение и интернет, вкуснейшие блюда из качественных продуктов – всё в моём распоряжении, кроме воли. От этого у меня сносило крышу.

По своей натуре я довольно активный и деятельный человек, и вот мне абсолютно нечем заняться. Я лишена возможности жить как хочу, просто общаться с разными людьми, в конце концов. В этом подавленном состоянии я ем всё, что мне попадает под руку: пончики, вафли,

торты, картофель фри, крылышки BBQ – всю эту ужасно вредную американскую еду. Мой вес стремительно растёт, начинается лёгкая депрессия, которую я с ещё большим усердием заедаю.

В первое время я не могла устроиться на работу: расстояния, отсутствие машины. Примерно месяц спустя по благу, через знакомства мамы Ильи, меня взяли на работу в крупный продуктовый магазин, где я давала попробовать покупателям разную еду в рамках промоакций. Зарплата низкая, но всё же хоть какое-то занятие и общение.

Илья, типичный американизированный парень, служил на благо своей второй родины и всячески восхвалял её. Из-за постоянных учений и сборов он дней по пять-шесть не бывал дома. Наверное, Штаты боялись, что Россия или Китай внезапно на них нападут, поэтому так напряжённо занимались подготовкой обороны своей страны.

С Ильёй поначалу мы жили очень дружно, я бы даже сказала, у нас было что-то вроде романтических отношений. Он ухаживал за мной, дарил подарки, мы даже немного поколеси по просторам Калифорнии: загорали на прекрасных пляжах, купались, жарили на гриле мясо. Однако вскоре он практически перестал обращать на меня внимание. Случилось это, как я предполагаю, из-за моего уныния и депрессивного состояния по поводу увеличившегося в размерах тела и ощущения, будто я заперта в тюрьме. Примерно через месяц наши отношения разладились совсем, и мы стали жить как кошка с собакой.

Четыре месяца пролетели будто мимо меня, виза заканчивалась, пора было возвращаться домой. Мои родители к этому времени переехали в Москву, поэтому сами встречали меня в аэропорту. Как сейчас помню: папа, увидев меня, округлил полные недоумения глаза. «Боже, Таня, что случилось? Кто тебя так откормил? Я просто уверен, что в Америку ты больше не поедешь».

Где-то полгода мне понадобилось, чтобы привести себя в более-менее надлежащую форму – освободиться от пяти-шести килограммов. Теперь мой вес составлял примерно 60 кг при росте 163 см. Худышкой я не стала, да никогда и не была ею, но теперь и пышкой меня назвать было нельзя.

Папино пророчество не сбылось: я решила отправиться в Штаты снова, теперь уже для целенаправленного изучения английского языка. Практика прошлого лета была недостаточной. Я снова ищу возможности уехать. Программа Work and Travel, как я уже знаю, требует определённых материальных средств, которых у моих родителей нет. Нужен другой способ. Однажды на глаза мне попала самая обыкновенная российская газета, а в ней – предложение поехать в Штаты в качестве няни по программе Au pair. Почему бы и нет? Я прекрасно умею ладить с детьми и летом не раз подрабатывала няней. Так что резюме и отзывы у меня в кармане, и самые положительные.

Кропотливый сбор документов, поиск подходящей приёмной американской семьи. Спустя пару недель раздаётся долгожданный телефонный звонок. Агент программы сообщил, что одна семья очень заинтересовалась моей кандидатурой и проявляет большое желание принять меня. После непродолжительного разговора – и почему так быстро? – я согласилась работать у них. Знала бы я, какие круги ада мне придётся пройти! Но тогда я была окрылена новой надеждой.

В американском консульстве в Санкт-Петербурге сердце моё готово было выпрыгнуть из груди. Передо мной без объяснения причины в визе было отказано сразу трём девушкам. Я сдала свою кипу документов, консул их внимательно просмотрел, задал множество вопросов и куда-то удалился. В окошко мне было видно, как консул собрал практически всех сотрудников дипмиссии и как они что-то довольно бурно обсуждали. Когда он вернулся ко мне, то задал несколько примерно одинаковых вопросов: «Вы точно вернётесь домой, на родину? Вы же любите свою родину? Пообещайте мне, что вы точно вернётесь» и т. д. Я ответила: «Конечно же вернусь» – оставаться в Америке в мои планы не входило. Мне и в первую поездку не очень понравилась эта страна; я ехала туда лишь только затем, чтобы выучить английский язык.

Аэропорт. Самолёт. Посадка в Париже. Снова аэропорт, самолёт. И – снова долгожданное прибытие в Соединённые Штаты Америки. Меня встретила моя «приёмная» семья: мама, папа и четверо детей. В тот момент я испытала двоякие чувства: с одной стороны, я была рада их видеть, они казались милыми: широко улыбались и весело смеялись; но, с другой стороны, меня пронзила мысль: как я буду справляться с этой гурьбой малолетних детей?..

Меня с вещами грузят в машину, и мы в течение часа добираемся до места жительства моей «приёмной» семьи. Мне выделяют комнату на втором этаже, между двумя детскими спальнями. В одной живут два брата, семи и пяти лет, во второй – две сестры, трёх лет и девяти месяцев.

И начался мой ад. Он длился три долгих месяца.

У старшего мальчика оказалось какое-то психическое расстройство. Я, если честно, до сих пор не знаю, какой именно был у него диагноз, но этот ребёнок постоянно орал и бил других детей, что приводило к жутчайшим домашним скандалам. Бедная мать семейства каждый день запиралась в ванной комнате и рыдала там.

Я думаю, мать постоянно находилась в подавленном состоянии ещё по одной причине. Она и её супруг, будучи достаточно набожными, верили, что предохраняться от зачатия – грех. И если первые двое детей были для женщины желанными, то последующих она уже не хотела совсем, но рожать всё равно приходилось.

Так я жила в этом дурдоме. Вставала в шесть утра, ложилась часов в одиннадцать вечера. Но по ночам я практически не спала – девятимесячная девочка кричала без умолку. Дни напролёт я проводила с четырьмя детьми и их ревущей мамой, в нагрузку – уборка дома и готовка.

И снова я пленница, узница. Машины у меня нет, а добраться куда-то пешком невозможно: абсолютно всё, как во всей Америке, находится на расстояниях, не рассчитанных на пеший ход. К тому же меня, не особо верующую, каждые выходные начинают таскать в католическую церковь, где прихожане чествуют Господа весёлыми песнями «халэлуя», сопровождая их непонятными танцевальными движениями, а после этого – обязательный буфет.

В плане еды меня строго ограничивают, и самым оскорбительным образом. Во время семейных походов по магазинам мне не разрешается покупать для себя почти ничего из того, что я люблю и хотела бы, на семейные деньги, хотя это, как и многое другое, предусмотрено условиями контракта. Дома на определённую еду вешаются записки: «Please, don't eat it», «It's not for you, it's just for the kids» – и так далее.

Наконец я приняла решение: покупаю машину (которая, к слову, постоянно ломается). Машина делает меня гораздо свободнее. Я начинаю подрабатывать в других семьях дневной или вечерней няней в любую свободную минутку в своих 24-х часах загруженности. У меня появляются некоторые сбережения, и я иногда позволяю себе маленькие радости – поход в кино или небольшой шопинг.

Что же моя булимия? Всё очевиднее она подчиняет меня себе: теперь уже практически каждый вечер я объедаюсь до отвала и закрываюсь в ванной, чтобы потом извергнуть из себя всё съеденное. Никто ничего не замечает, всем в принципе плевать – у них своих проблем по горло.

И однажды я понимаю, что дальше так не могу. Я откровенно говорю своим «приёмным» родителям, что устала и хотела бы сменить семью. Они понимающе кивают и уверяют: препятствовать моему уходу ни в коем случае не будут. Но не тут-то было! Они полностью изолируют меня от детей, настраивая их против меня, а кроме того, звонят в моё агентство, чтобы обвинить меня в рукоприкладстве: вот, мол, совсем недавно я ударила их старшего сына, чего, конечно же, я не делала. Я вообще в жизни, может быть, только два дралась, и было это в детском саду, когда кто-то из мальчишек сильно обидел меня.

Агентство по подбору Au pair в срочном порядке связывается со мной и настоятельно рекомендует в ближайшие сроки покинуть Америку – вернуться на родину. Делать это я совер-

шенно не желаю, поэтому решаю срочно найти для себя другую семью. И нахожу её – в штате Колорадо. На следующий день я должна улететь туда. Под покровом ночи две мои подруги вывозят меня с чемоданами к третьей, чтобы агентство не отследило мой путь.

Новая семья очень милая и приятная. Теперь под моей опекой двое подростков, пятнадцати и тринадцати лет, и шестилетний мальчик. Здесь у меня больше обязанностей по уборке и помощи по дому, и детей мне нужно возить на секции и кружки.

Я поступила в местный университет, чтобы дополнительно заниматься языком, и подрабатывала ещё в двух семьях приходящей няней.

Мне стала нравиться моя жизнь, и булимия постепенно отпустила меня. Вес держался стабильным, я поправилась, но не очень сильно, а к концу года благодаря интенсивным физическим нагрузкам мне даже удалось прийти в хорошую форму. Когда пришло время возвращаться на родину, в свой университет (где я по случаю отъезда взяла один год академического отпуска), я выглядела вполне здоровой, в меру упитанной, а главное, жизнерадостной девушкой.

Меня очень не хотела отпускать одна семья, где я была приходящей няней. Упрашивали меня остаться ещё на год уже в качестве постоянной au pair. Я, честно сказать, долго думала: материальное вознаграждение, которое мне предложили, по тогдашним российским меркам было очень существенным. Однако мои родители убедили меня вернуться в Питер и продолжить учёбу. И я за это им безмерно благодарна. Если бы я осталась тогда в Америке, не случилось бы моей встречи с любимым, дорогим мне человеком.

Глава пятая.

Студенческая жизнь в Австрии

В России я твёрдо решила продолжать обучение в университете, хотя меня немного печалило, что все мои бывшие однокурсники уже переходили на следующий, четвёртый курс. И ещё я поняла, что обязательно должна поехать по обмену в какую-нибудь европейскую страну. Вообще, мне всегда безумно хотелось жить и учиться в Германии, но, к сожалению, путь туда был мне заказан: немецкого я не знала.

Я не откладывая начала узнавать, какие программы по обмену студентов предлагает мой университет. Их оказалось немного. Можно было поехать в Финляндию, Румынию, Словакию или Австрию. Первые две я отсекала практически сразу. В Финляндии я уже была – ездила туда от моей питерской школы где-то на месяц, жила в семье. Румыния представлялась мне чем-то очень постсоветским, с пережитками коммунистического уклада. Почему мой выбор не пал на Словакию, я уже не помню. В общем, я чётко для себя решила, что всеми правдами и неправдами в следующем семестре уеду в Австрийскую Республику. Я собирала необходимые документы, при этом продолжала довольно успешно учиться в университете и занималась ещё какими-то активностями.

Той осенью я была вполне миловидной, не могу сказать, что худой, – всё при себе. Молодые люди часто делали мне комплименты и даже уступали место в метро. Но и тогда я казалась себе чересчур полной, не слишком хорошо сложенной. Я всегда мечтала весить 49 килограммов при росте 163 сантиметра. Почему мне втемяшилась именно эта цифра? Возможно, потому что одна из моих подруг, которую я считала эталоном стройности и прекрасного телосложения, весила именно столько.

Булимия меня снова настигла. Скорее всего, из-за чересчур энергичного ритма жизни и нервного бэкграунда. Практически каждый вечер, приходя из университета, я объедалась и затем шла очищаться в ванную. При этом, если мне, например, надо было скрыть своё поведение, я могла на несколько дней, а то и недель, затаиться, жить как все. Мне кажется, тогда болезнь ещё не властвовала надо мной, до времени она была у меня в подчинении, а не я у неё.

И вот моё обучение в Австрии одобрено, и я стою около стойки регистрации в аэропорту Пулково. Со мной летит ещё одна девушка, тоже – как и я – Таня.

В городе Линце (где мы будем учиться) нас встречает закреплённый за нами студент-ментор. Алекс, очень приятный молодой человек, лет двадцати пяти, рассказывает нам с Таней о том, как всё здесь устроено, о занятиях, досуге и организации, которая непосредственно занимается такими студентами, как мы.

Общежитие выглядит довольно современно и стильно. Оно совсем не похоже на общежитие питерского университета, где проживали две мои лучшие подруги. Мы с Таней делим одну комнату на двоих, кухню и туалет – ещё с одной девушкой, она из Франции.

Помимо учёбы, мы, конечно же, посещаем все вечеринки и «сабантуй-пати», где алкоголь льётся рекой – мы от него никогда не отказываемся. Но я пока ещё могу вовремя сказать себе «стоп» и перейти на сок или воду. Во всяком случае, в неадекватном состоянии меня здесь не видели.

Что касается еды, то она в Австрии достаточно вкусная, много мясных блюд, особенно из свинины, на которую я главным образом налегаю. Теперь я регулярно переедаю. Пытаюсь себя контролировать, с ужасом представляя, как могу раздаться вширь, но у меня это слабо получается, так что каждый вечер я иду блевать в душевую кабинку. Тем не менее я выгляжу

абсолютно нормальной, среднестатистической девушкой. Никто ничего не замечает. И как мне кажется самой – у меня совершенно нет анорексии и предпосылок к ней.

Молодые люди оказывают мне много знаков внимания. А однажды Алекс приглашает меня к себе на романтический ужин. Мы едим наивкуснейшие блюда – он действительно хорошо готовит, запиваем всё прекрасным австрийским вином. Далее всё предсказуемо: мы оказываемся в постели, занимаемся страстным сексом, хотя с моей стороны ещё не слишком умелым.

До Алекса у меня было всего два сексуальных партнёра, и один из них остался в Питере. Я не любила этого молодого человека, скорее просто использовала, как бы дурно это ни звучало. Я была с ним, поскольку никого лучше тогда не нашлось. А он, кажется, очень сильно меня любил – несмотря на свой достаточно суровый характер, трепетно, со всей нежностью относился ко мне.

Вечеринки со спиртным, ночь с Алексом – всё это случилось уже в первую неделю моего пребывания в Австрии. Вторая неделя кардинально повлияла на мою жизнь. Однажды я решаюсь немного прогуляться по коридору кампуса, осмотреться. В главном холле замечаю, как симпатичный парень раздаёт какие-то пакетики. Я любопытна, поэтому мне ужасно не терпится узнать, что внутри. Я подхожу к парню и беру пакет. Содержимое – большая пачка вкусного шоколадного печенья, пара шоколадок, сэндвич и энергетический напиток – вызывает у меня восторг. Человеческая натура, жадная до халявы, требует ещё и ещё. После того как я четырежды подошла к молодому человеку, раздающему сладкие подарки, он не выдержал и спросил, откуда я и долго ли буду здесь учиться. Мы разболтались, а когда нужно было расходиться на занятия, обменялись телефонами.

Этот вечер не предвещал ничего особенного. Я навела марафет, выпила немного martinis, собираясь, как всегда, на кухонную вечеринку. Я уже собралась закрыть за собой дверь, как завибрировал телефон: пришло СМС с приглашением на хоккейную игру в Зальцбурге завтра вечером. Ура-а-а-а-а-а!.. Уху-у-у-у-у!.. А я ведь просто упомянула в разговоре с Аттилой (моего нового знакомого зовут, как легендарного правителя гуннов) о своей безумной любви к спорту, особенно к такому драйвовому зрелищу, как хоккей.

Весь следующий день я провела в предвкушении свидания. Это было первое свидание с действительно понравившимся мне парнем. Я выбрала в своём гардеробе одно из самых «парадно-выходных» нарядов, около часа подбирала аксессуары к нему и ещё, наверное, часа два занималась своим телом: маникюр, педикюр, мейкап. И вот я – звезда в ожидании чуда.

Я, кстати, не постеснялась и попросила разрешения у Аттилы приехать с подружкой Таней, но он ответил, что, к сожалению, билетов и мест уже нет. Как окажется, место было уже занято – Аттила и его друг пригласили понравившуюся им новенькую студентку из Хорватии. Около пяти вечера они заехали за мной: Аттила, Маттиас и Санела. Все в приподнятом настроении, готовые к продолжительной ночи.

В VIP-зоне изобильной рекой течёт алкоголь и столы ломятся от всякой еды. Я ещё контролирую себя, ещё не нахожусь в подчинении у неукротимого голода. С алкоголем дела обстоят сложнее, но я чувствую границу опьянения.

Матч окончился (честно говоря, не очень-то он нас всех интересовал тогда), и мы сначала задержались на пару совершенно бесплатных бокалов, а потом завалились дружной компашкой в бар-дискотеку. Под занавес отправились к Маттиасу. Вообще-то квартира принадлежала его отцу, но отец был в командировке. Мы с Аттилой заняли гостиную, Маттиас с Санелой уединились в спальне, хотя очень скоро нашу хорватскую подругу больше, чем романтические объятия с парнем, интересовала уборная. Ну а мы с Аттилой чувствовали себя прекрасно, нас влекло друг к другу, так что мы занимались сексом везде, где могли, опробовав всю мебель и в гостиной, и в кухне.

Я совсем не жалею об этом сейчас, и уж, конечно, тогда не испытывала никакого сожаления: это было приятное приключение, которое вытеснило из моих мыслей и моего молодого человека, оставшегося в России, и австрийского приятеля, Алекса. Однако я впервые провела страстную ночь с тем, кто вызвал у меня довольно сильное чувство, и, конечно же, надеялась на продолжение отношений. Но утром, высадив меня у кампуса, Аттила лишь бросил: «*Bye!*» Моей досады не было предела. Какая же я дура, что дала себя использовать! Так я думала в ту минуту. Да, эта ночь, а главное, небрежное «*Bye!*» после неё очень меня задела. Такого я раньше не испытывала.

Аттила не звонил и не писал мне. Я уже потеряла всякую надежду на продолжение отношений, как наступило время ежегодного карнавала. На грандиозной костюмированной вечеринке я решила быть сексапильной медсестрой. Попросту у меня был наряд для этого образа: кто знает, не для этого ли случая прихватила я с собой из России белый халат, очень коротенький, и красные лаковые туфли? Остальное было делом техники.

И вот я, соблазнительная медсестра, иду на дискотеку с компанией девчонок. Дальше как в кино. Мы встречаем группу ребят – с ними, конечно, Аттила. Вот он, мой шанс, который никак нельзя упустить! Весь этот вечер и всю ночь мы не расставались с ним. Ближе к утру он отвёз меня домой и на прощание бросил, как и тогда, дежурное «*Bye*». Однако на этот раз я решила проявить хитрость и «совсем случайно» забыла свои прекрасные туфли в машине Аттилы. Так начались наши отношения, которые жизнь испытывала на прочность, подбрасывая при этом самые разные случаи.

Был момент, когда мы едва не расстались. На одной вечеринке я решила на глазах у Аттилы поцеловаться с одним из его лучших друзей. Я хотела, чтобы Аттила приревновал меня. Идея, между прочим, принадлежала не мне, а другу, но зелёный змий склонил меня поддаться этому искушению.

Был и смешной случай, который, впрочем, только теперь кажется анекдотичным, но сам момент происшествия ужасно нас всех напугал. Моя подруга Марина – та самая, в семье которой я прожила весь одиннадцатый класс, – захотела приехать на неделю в Австрию, чтобы увидеться со мной и посмотреть на европейскую студенческую жизнь со стороны, ну а заодно подружиться, может быть, с местными ребятами. Я, конечно же, решила ей в этом помочь и обратилась к Аттиле: не мог бы он попросить Маттиаса свозить нас на хоккей в VIP-зону? Маттиас, увидев Марину, симпатичную одинокую девушку, не смог отказать и с большим воодушевлением принялся выполнять нашу просьбу. Единственное, чего мы не учли на тот момент, – Марине совсем нельзя пить.

Изрядно приняв в привилегированной зоне, мы по обычаю решили пойти в клуб и продолжить веселье. Было это зимой, мороз стоял сильный, снега полным-полно. Мы же, естественно, в коротких юбках и осенних сапогах на высоких каблуках. Но в клуб мы пошли пешком. Идём через парк, я с Аттилой чуть впереди. Вдруг нас догоняет Маттиас и сбивчиво что-то нам говорит. В одной руке его – Маринины сапоги, в другой – её дамская сумочка. Самой Марины нет. Я, резко протрезвев, спрашиваю: «А где же Марина?» – «Она пошла искать свой ремень от пуховика». – «А почему без сапог-то?» – «Ну, она сказала, так быстрее будет».

На улице зима, морозно, сантиметровой слой снега, а моя подружка неизвестно где ходит в носочках. И вот мы, трезвые как стёклышки, около часа бегаем по парку, выкрикивая имя Марины. По дороге около парка проезжает машина, водитель спрашивает, что случилось, и предлагает нам проехаться по округе. Ещё через час поисков, уставшие, замёрзшие и ужасно нервные, мы решаем: хватит, пора сделать паузу и выпить горячительного. Вуаля! На глаза нам попадает вывеска – *Bier Bar*.

Мы заходим с большим воодушевлением и тут видим, как пропавшая Марина словно ни в чём не бывало сидит за барной стойкой, свесив ноги в уютных шерстяных носочках, и пропускает один шотик за другим. Я просто остолбенела. Спрашивать у Марины, что она тут делает,

и где была, и зачем сняла обувь, было абсолютно бесполезно – ни на один вопрос мы не получили хотя бы мало-мальски внятного ответа. На следующее утро Марина не помнила ничего, что, может быть, было даже и лучше.

* * *

Второй забавный случай приключился со мной и Мариной, когда мы гостили у Андрея, нашего одноклассника, на Черноморском побережье. Точнее, гостили-то мы в частном доме его родителей.

Маринину и моему приезду были очень рады, ведь наши родители прекрасно знали друг друга и когда-то даже хорошо дружили. Нам выделили просторную комнату на втором этаже с мягкой двухспальной кроватью, шкафчиком и большим зеркалом для наведения марафета.

Мы купались, загорали, веселились – дни пролетали незаметно. Наступил день рождения Андрея. Мы, естественно, надели лучшие свои короткие платица и были совершенно готовы к вечерней пати в центре города.

Андрей арендовал небольшой закуток на несколько столов в одном из местных баров. Всего собралось около 15 человек, в основном мужского пола, так как Андрей был военным и имел узкий круг общения, в который дамы не входили.

Мы часто наполняли наши бокалы шампанским, однако в какой-то момент нам с Мариной показалось этого мало, и мы по-быстренькому сбегали в палатку за углом, где нам налили по сто пятьдесят добротного коньяка. Потом случился конец связи, и чувство реальности оставило нас.

Следующим утром я очнулась с ужасной головной болью, вся в ссадинах и в песке. Марина была в таком же состоянии. «О боже, что было вчера?» – спросила я. «Ты не поверишь! Я всю ночь просидела в ментовке. Меня не хотели выпускать», – протараторила Марина. Я была ошарашена её ответом, и всё, что смогла пролепетать: «Ого! Ни фиги себе! А что делала я и почему я вся в песке?»

Заливаясь смехом, в этот самый момент в нашу комнату ворвался Андрей. «Ну вы, девки, блин, даёте!» С большим воодушевлением он рассказал о наших похождениях.

Вот как всё было. Когда мы выпили в палатке коньячку (очевидно, не лучшего качества), меня скосило прямо на месте. «Где стояла, там и рухнула», – сообщил Андрей. Марина, как долго казалось, была относительно в порядке. Андрей попытался привести меня в чувство. Поднял моё обмякшее тяжёлое тело и понёс к морю. Насилу он дотащил меня до песчаного пляжа, где оставил, чтобы сбегать за питьевой водой. Именно в этот-то момент я и очнулась. И заявила: «Всё, иду купаться». А потом, снимая туфли и бросая их в разные стороны, поползла к воде. Вот почему я проснулась в песке и ссадинах.

Однако пробуждение моё случилось ненадолго. Уже у самой воды Андрей перехватил меня, взвалил на плечи и понёс до ближайшего такси. Но таксисты не осмеливались брать на себя ответственность за безжизненное тело. Лишь кое-как и за определённую сумму, по двойному тарифу, удалось договориться с одним водителем: он отвезёт меня домой, но в случае чего ответственности не несёт и ни к чему не причастен. Слава богу, я вела себя достойно, и мы доехали до места назначения без приключений.

Дома нас встретила мама Андрея, и она была шокирована моим невменяемым состоянием. Она спросила, жива ли я. В качестве красноречивого ответа всё мной выпитое и съеденное решило вырваться наружу. Меня потащили в комнату, придвинули ко мне тазик и стали раздевать. В этот самый момент из моего бюстгальтера выпали два маленьких пакетика с белым порошком. И Андрей, и его мама в ужасе.

Происхождение этой «зачатки» объяснялось довольно просто. Всё вчерашнее утро мы с Мариной провели на пляже. Нам очень захотелось варёной кукурузы, и мы её купили. Ну а к ней прилагался пакетик с солью. Кукурузу мы удачно съели, а соль решили забрать – не пропадать же добру. Собираясь на вечеринку, мы решили выпендриться – заложили мне в «потайное место» белую добычу, чтобы потом у всех на глазах её вытащить и продемонстрировать, какие мы крутые. План почти сработал! -:-)

Рвало меня безостановочно. Нужно было очиститься до конца. Я встала и нашла свой чемодан, в кармане которого была припрятана специальная, для таких случаев, зубная щётка. Добравшись до неё, я стала активно засовывать её обратной стороной себе в рот, как делала уже много раз раньше. (Я не помню вообще ничего из того, что рассказывал Андрей; определённо, я всё делала на автомате.) Всё это озадачило Андрея и его маму. Мне хочется верить, что никто ничего не понял тогда, и моя тайна осталась со мной.

Наконец меня удалось уложить в кровать, и я мирно засопела.

Маринина история оказалась куда более захватывающей. Мама Андрея на следующее утро высказалась о нас так: «Таня, вот пьяная-пьяная, на ногах не стоит, но голова соображает ого-го как, а Марина пьяная – ну дура-дура».

После того как Андрей эвакуировал меня домой, Марина, ощущая себя трезвой (поскольку хорошо держалась на ногах), решила продолжить веселье и отправиться с ребятами гулять по городу. На ней в тот вечер было короткое расклешённое платье, на котором оторвалась самая нижняя пуговица, и при каждом шаге слегка оголяло её женские половые органы.

Проходя мимо полицейских, она услышала «проститутка» и приняла это оскорбительное слово на свой счёт. Марина повернулась к ним и крикнула, что она никакая не проститутка. Полицейских её поведение озадачило, и они попросили девушку предъявить документы. Дополнительной причиной проверки послужило то, что в городе был введен комендантский час: лица, не достигшие 18 лет, после 11 часов вечера должны находиться дома. Марина снова оскорбилась, ответила, что документов у неё с собой нет и она не обязана их носить, и вообще, господа в форме должны перед ней извиниться за оскорбление. Полицейские такого запроса не поняли и всё больше настаивали на том, что Марине следует предъявить документы. Марина огрызнулась. Напряжение нарастало, и в конце концов Марину пригласили проехать в участок. Естественно, она оказала лёгкое сопротивление, которое было незамедлительно подавлено. Карета полицейской помощи умчала Марину в участок, и вскоре моя подруга оказалась в камере предварительного заключения, которую поделила с подобранными в тот вечер пьянчугами и бродягами, внимание которых тут же привлекло разошедшееся снизу короткое платье.

Андрей прибыл на выручку через пару часов. Постовые пояснили ему ситуацию. Чтобы вызволить Марину из обезьянника, тоже необходимо было удостоверение её личности, и Андрей помчался за паспортом моей подруги.

Эту историю, пожалуй, не стоило бы рассказывать, если бы не одна пикантная подробность. Дело в том, что Марина гостила до нашего отдыха на Украине, у старшей двоюродной сестры. Сестра месяц назад вышла замуж и на радостях отдала полсумки новых презервативов – мол, ей они больше не нужны. А Марина додумалась положить свой паспорт на самое дно багажной сумки, под всё подаренное добро. И вот Андрей возвращается домой, сообщает своим родителям, что Марина сидит в изоляторе и для её высвобождения необходим паспорт, который не с ней. Решили, что поисками документа в сумке с женскими вещами целесообразнее заняться женщине. Мама Андрея, только открыла сумку, обмерла. А когда дар речи вернулся к ней, сказала: «Мало наркотиков, они ещё и проститутки...» Честно говоря, на её месте я бы подумала то же самое.

В это время моя подружка умудряется так достать стражей порядка, что они отказываются её выпускать даже за дополнительную плату, обвиняя заодно и в том, чего она не совер-

шала. На её удачу, папа нашего одноклассника, бывший полицейский, имеет неплохие знакомства в этих кругах.

Эту историю потом ещё очень и очень долго будем вспоминать не только мы, но и наши родители.

* * *

В июне 2009 года мой учебный семестр по обмену подошёл к концу, и мне нужно было возвращаться домой, в Питер.

Мы с Аттилой были действительно влюблены и дорожили друг другом, но не знали, получится ли у нас сохранить наши отношения на далёком расстоянии. Кому-то из нас надо было оторваться от корней, если мы хотели сохранить нашу пару. Выбор пал на меня.

Третий семестр пролетел для меня незаметно. Получилось так, что я училась сразу в двух университетах: примерно по месяцу то в России, то в Австрии. Сказать, что это было тяжело, – ничего не сказать. Уставала я жутко. Но наши отношения с Аттилой только укреплялись, и мы даже сняли небольшую совместную комнату в общежитии для семейных пар.

Моя булимия давала о себе знать только в отсутствие Аттилы. Он ничего не замечал. Мне удавалось всё тщательно скрывать. Я всегда заранее знала, во сколько он будет дома – Аттила всегда звонил и предупреждал о своём возвращении, – так что у меня было время на переедание и избавление от лишнего. Анализируя эту ситуацию сейчас, я думаю, именно то, что возвращение Аттилы никогда не было неожиданным, существенно расслабило меня, я перестала сдерживать себя, и контроль надо мной взяла болезнь. Я прекрасно помню моменты, когда я заранее закупала продукты для моих одиночных «пати», как я называла это безобразие уже позже.

С весом у меня всё ещё не было никаких проблем: примерно 55—56 килограммов при росте 163 сантиметра. Ни о какой анорексии речи и не шло. Окружающие видели, что кушала я с большим аппетитом, в меру занималась спортом и оставалась в хорошей физической форме. Однако у меня самой были достаточно сильные переживания по поводу моей внешности. Я всё же считала, что толстовата и что мне кровь из носу надо скинуть пару лишних килограммов. В моей голове застряла отметка – 49. Я должна была весить именно столько.

Глава шестая. Замужество

В Санкт-Петербургском университете, начиная с третьего курса, я смогла оформить свободное посещение, что позволило мне по большей части сконцентрироваться на учёбе в Австрии. Я хотела стать обычной студенткой, для этого нужно было сдать экзамен на знание немецкого языка на уровне B2. А пока я посещала занятия в университете как практикант, мне давалось два года на изучение языка. Через год обучения я не смогла сдать экзамен – провалилась на разговорной речи. Но вторая попытка, через полгода, оказалась удачной, и – ура!.. – я была зачислена в университет на постоянной основе.

Так мы с Аттилой и жили: я училась, он тоже учился и работал. Но, будучи насквозь европейцем, он не считал нужным обеспечивать меня материально. По его мнению, девушка сама должна позаботиться о своём достатке. И я как могла делала это. Например, подрабатывала у друга, снимаясь в корсетах (нет-нет, без ню) для его интернет-магазина. Очень мне помогали мои родители, для этого они сначала перебрались в Санкт-Петербург, потом в Москву.

Через год мы сняли небольшую, 40 квадратных метров, квартиру недалеко от университета. И всё вроде бы хорошо: рядом возлюбленный, я учусь в австрийском университете, у меня есть подруги... Но мне хотелось чего-то большего, масштабного. Да и вообще мне к этому времени надоело учиться и очень хотелось начать по-настоящему зарабатывать. Однако студенческий вид на жительство не даёт права полноценно работать. Всё, на что я могла рассчитывать, – небольшие случайные подработки. Меня это не устраивало совершенно. Я связалась с несколькими адвокатами, чтобы узнать, существуют ли другие пути, кроме замужества, остаться жить и работать в Австрии. Другого пути нет: или выходить замуж, или возвращаться обратно домой.

Второго варианта я совершенно не боялась, вернуться на родину мне было совсем не стыдно. Я безумно люблю Санкт-Петербург, у меня там много друзей, да и вообще этот город, наверное, навсегда останется в моей душе.

Зимой 2010 года я открыто сказала Аттиле, что если он не сделает мне предложение в ближайшее время, то я уеду обратно в Россию. Аттиле тогда было двадцать три, и он полагал, что ещё слишком молод для брака; никто из его друзей не был женат, у многих даже не было пары. Перспектива супружества пугала Аттилу и отдаляла от меня. Несколько раз мы очень сильно ругались, но быстро мирились, и всё возвращалось на круги своя.

Наступающий Новый год мы решили отметить с друзьями в отеле, принадлежавшем нашему хорошему знакомому.

Около полуночи мы, хорошо поев и выпив не один бокал игристого вина, решили отправиться на улицу – смотреть салют. Бой курантов, фейерверки – красота! Аттила, встав на колени, делает мне предложение. Я ошарашена, и всё, что могу сказать: «Ну наконец-таки!» Кольца в его руках нет – Аттила побоялся купить то, что мне не понравится. На следующий день мы решили совершить эту приятную покупку вдвоём.

Через два дня после помолвки мы с друзьями в прекрасном настроении возвращались домой. Кто-то спросил, когда же свадьба, и Аттила, недолго думая, ответил, что торжество состоится через два-три года. Что?! В моём понимании свадьба следует практически сразу же за предложением – через полгода, ну через год. Всю обратную дорогу мы пререкаемся по этому поводу, в итоге день свадьбы назначен на 6 июня 2012 года, то есть через полтора года. Ура! Победа за мной.

Ближе к лету одна из маминых знакомых мне предлагает работу в посольстве России в Австрии. Должность специалиста – самая низшая, но с очень хорошей зарплатой, и я,

конечно же, соглашаюсь. В сентябре 2011 года, оформив все необходимые документы и пройдя аттестационную комиссию, я официально становлюсь сотрудником российской дипломатической миссии в Австрийской Республике.

Однако оказалось, что моя дипломатическая должность не позволяет мне выйти замуж за иностранца. Что же делать? Приглашения закуплены, родные и близкие оповещены, билеты на самолёты у большинства гостей выкуплены, отели забронированы. Мы долго думаем и решаем сыграть свадьбу понарошку: соберём друзей и родственников, обвенчаемся в церкви, закажем ресторан, устроим пышное торжество, но официально расписываться не будем.

Местом проведения церемонии выбрали Румынию – Аттила оттуда родом. На разведку едем уже осенью этого года. Багаж сдан, ждём посадки. В самолёт, как обычно, заходим последние: Аттила ненавидит подолгу стоять внутри накопителя. Дальше происходит непредвиденное. У стойки контроля посадочного талона Аттилу пропускают, а меня нет. Мне нельзя лететь, сообщает сотрудник аэропорта. Мы оба чувствуем себя так, будто на нас вылили ушат холодной воды. Наконец я спрашиваю, почему я не могу лететь. Оказывается, мне необходима виза для въезда на территорию Румынии, поскольку эта страна не является участницей Шенгенской зоны. Её границы откроются только двумя или тремя годами позже. Нам ничего не остаётся, как сняться с самолёта и засесть в «Макдоналдсе» аэропорта, чтобы посмотреть Last minute deals и попробовать хоть куда-то улететь. Ничего подходящего мы не находим и в разочарованных чувствах возвращаемся домой.

И вновь встаёт вопрос о месте проведения свадебной церемонии. Если праздновать в моём любимом Питере, всем родственникам-иностранцам нужно будет оформлять визу, если в Австрии – моей стороне понадобятся визы. К тому же страна не из дешёвых, нужно иметь завидный бюджет, чтобы провести там какое-то время. Выбор падает на недорогую страну посередине – Венгрию.

Начинаются приготовления к свадьбе. Ресторан выбрали в отеле Marriott, там же предполагалось провести нашу первую брачную ночь. Много из декораций я заказала из Китая и России. Украшением и цветочным сопровождением полностью занималась кузена Аттилы, я лишь попросила букет невесты сделать из белых калл. Самым сложным оказалось найти виджея, который говорил бы сразу на трёх языках: английском, венгерском и русском. Нам повезло, правда, этот парень обошёлся нам недёшево.

По поводу правил проведения торжества у нас с Аттилой было много традиционных разногласий. Я, например, хотела, чтобы подарки вручали в самом начале, Аттила же не считал это важным, оставлял на усмотрение гостей. Я хотела как можно больше игр и забавных конкурсов, Аттила же говорил, что это не нужно совершенно.

Торжество должно было состояться 6 июня, но мы приехали заблаговременно, чтобы подготовить и украсить зал и по возможности встретить и расселить ближайших родственников. Наверное, свадьба и всё, что с ней связано, и запустили мою болезнь. Буквально за неделю я измучилась настолько, что потеряла около пяти килограммов и стала весить 52—53. И, надо сказать, я была очень довольна своим новым телом и всё-таки думала о том, что надо ещё немного похудеть – добиться заветных 49 килограммов. Булимические всплески у меня сохранялись, но были крайне редки, я могла держать себя в руках неделями, а то и месяцами.

И вот заветное 6 июня. С самого утра приятные хлопоты: одевание, фото, причёска, макияж (специалиста мы так и не нашли, поэтому макияж мне сделали в магазине косметики MAC).

*Утро торжественного дня
Перед церемонией в церкви*

Аттила проходит все традиционные препятствия жениха на пути к невесте и добирается до заветной комнаты. Ура!

Садимся в лимузин, едем в церковь. С нами наши самые близкие друзья и свидетель со свидетельницей. Аттила на эту роль выбрал своего лучшего друга Маркуса, я – питерскую подругу детства Марину, которой строго-настроено наказала не пить и держать себя в руках.

И вот мы, красивые и весёлые (в том числе от алкоголя), подъезжаем к церкви. Вообще-то, когда Аттила подавал наше заявление, имел в виду совсем другую церковь, в центре Будапешта. И буквально вечером, накануне торжества, выяснил, что венчать нас будут здесь. К алтарю меня ведёт папа, Аттила уже там. Первое, что я слышу от будущего мужа, – как ужасно сильно он хочет в туалет. Мне очень смешно, я отвечаю ему: надо было пить меньше пива. В такой обстановке проходит наша церемония. Через часа полтора, слава богу, всё закончено, и Аттила на всех парах вылетает в туалет.

Спасибо всем, кто поддерживал меня и шёл вместе со мной по этому нелёгкому пути. Пути, который ещё не закончен...

Открытие банкета. Начало празднования свадебного торжества

В ресторане нас уже ждут гости. Мы организовали угощения по типу «шведский стол», это, нам кажется, наиболее приемлемый вариант для большого количества гостей из разных стран. Что касается спиртного, ресторан предоставил нам спецпакет: неограниченное количество пива и вина. В качестве дополнения мы ставим на каждый стол по бутылке водки и самодельной палинки – национального венгерского напитка вроде нашей водки.

Гости сыты и довольны. Приглашённая музыкальная группа играет отличную музыку. И тут моя сестра делает мне знак рукой: мол, надо поговорить. Оказывается, девушка Маркуса (сейчас уже жена, и они растят прекрасную дочку), финка Лана, несколько перепила и решила отдохнуть в номере для новобрачных. А поскольку чувствовала она себя совсем нехорошо, то заблевала весь наш номер. Мои папа и сестра полвечера чистили и мыли, но вернуть комнате её изначальные безупречные чистоту и опрятность не смогли. Сестра, не желая портить мне настроение, не могла не предупредить, чтобы мы были осторожны: не исключено, что можем наткнуться на небольшие лужицы.

Кроме этого неприятного момента, никаких осложнений не было. Игры продолжались, невесту украли и нашли, букет поймали, торт разрезали, гуляш (традиционный венгерский суп) поели.

Проснулись мы на следующее утро достаточно бодрыми, в отличном расположении духа. Вот только традиционной романтической брачной ночи не вышло. Аттила и я, уставшие, измотанные, сразу заснули, едва оказались в кровати.

На второй день мы решили организовать для оставшихся гостей гриль на озере. Это была лучшая свадебная идея: наконец-таки мы смогли пообщаться со всеми нашими друзьями, спокойно поесть, запустить в небо фонарики с пожеланиями и просто насладиться природой.

*Вечер второго дня
Запуск небесных фонариков желаний*

Праздник подошёл к концу, все разъехались, и нам также нужно было возвращаться домой. Одной мне ехать совсем не хотелось, и я пригласила Марину на вечерний ужин в Вену. Её рейс из Будапешта вылетает следующим утром – времени предостаточно.

Уже оказавшись на месте, мы с моими родителями стали выбирать ресторанчик для ужина. В это время Марина решила проверить, когда отбывает вечерний поезд или автобус в Будапешт, – оказалось, последний рейс через полчаса, и всё. Мы и подумать не могли, что в Европе практически нет поздних, ночных поездов. Вылет у Марины ранним утром – даже на самом раннем автобусе она не успеет добраться. В авиакомпании нам отказали поменять рейс на более поздний, ссылаясь на правила и ограничения. Оставался только один вариант: везти Марину в будапештский аэропорт на машине. Чего не сделаешь ради подруги!

После всё же состоявшегося венского ужина на меня навалилась жуткая усталость, я решила лечь пораньше и совсем забыла про то, что обещала пустить переночевать ещё двух своих хороших питерских подруг. Спала я крепко, и только утром на экране обнаружила огромное количество пропущенных звонков от несчастных девушек. Они всю ночь провели у меня в подъезде, пытаясь найти мою квартиру, полузасыпая на ступеньках лестничной

клетки, а под утро их выгнала на улицу одна из моих соседок. Кое-как они нашли небольшой отель в центре города, который согласился приютить их этой ночью. Мне было ужасно стыдно! Да и сейчас совесть меня мучает, когда я вспоминаю об этом. Австрийская столица лишь кажется безопасным местом, на самом же деле по ночам и там происходит множество странных событий.

Глава седьмая.

Бурная жизнь в Вене

В Вену я переехала, когда поступила на службу в посольство Российской Федерации в Австрийской Республике. Мне выдали служебную квартиру, вся обстановка – матрас. Мебель привезли позже, и только тогда это помещение стало действительно походить на квартиру, хотя и не очень уютную.

Аттила в это время продолжал учиться и работать в Линце, и я каждую пятницу ехала к нему на поезде, а каждое воскресенье возвращалась к себе. Так прошёл год. Мы решили, что и Аттиле надо переезжать в Вену, искать работу здесь. Но поскольку жить в моей служебной квартире мы не могли (правила запрещают приводить иностранцев), нужно было искать другое жильё.

Как сейчас помню эти изнурительные походы с риелтором в поисках чего-то стоящего. Дело в том, что рынок недвижимости в Вене очень ограничен, так как не разрешаются постройки высотных зданий в центре и определённой удалённости от него. Город разделён на 23 района. Моя работа находилась в 4-м районе, и, по регламенту, жить я должна была в непосредственной близости к посольству. Круг поиска существенно сужался. Мы обошли немало квартир, но всё было не то: или район не очень, или квартира на первом этаже, или необходим срочный ремонт, или... или... Совершенно случайно мы прочли частное объявление в местной газете о продаже квартиры: фотографии не очень, но квартира на шестом этаже, да и ещё трёхкомнатная. Мы решили её посмотреть. И мы влюбились в неё с первого взгляда, были готовы купить в тот же час. Но опять законы Австрии! Мы обязаны вступить в своего рода аукцион с другими покупателями, претендующими на эту квартиру. Все предлагаемые суммы сделки пишутся втайне и передаются риелтору или юристу, который и сообщает через какое-то время решение квартировладельца.

Мы с Аттилой так хотели заполучить эту квартиру, что указали в нашем предложении сумму больше изначально заявленной. Такую же сумму заявила ещё одна пара. Во втором раунде мы повысили цену, и сделка была завершена в нашу пользу. Но чтобы квартиру закрепили за нами, нужно подписать множество документов, внести залог и взять в кредит определённую сумму в банке. Этого мы не могли сделать тогда же, поскольку через два дня улетали на Кубу в медовый месяц. Нам очень повезло с риелтором: она разрешила отсрочить оформление всех документов до нашего возвращения.

На Кубе мы отдохнули замечательно, но там произошёл инцидент, который, как я сейчас понимаю, был связан с моей тревогой по поводу собственного веса. Как-то мы с большой американской группой поехали на один из близлежащих островов, и я всю дорогу возмущалась в разговоре с мужем, как можно быть такими толстыми и питаться всякой дрянью, как можно так себя запустить и не следить за собой. Самое печальное, что некоторым людям я высказала это прямо в лицо, и одна девушка после моего замечания расплакалась. Все они были приятными, милыми и дружелюбно улыбались, и я, конечно, не имела права так себя вести. Но тогда я совершенно не могла справиться со своим осуждением. Собственно говоря, это было возмущение, подсознательно направленное на меня саму.

После отпуска мы занялись подготовкой документов и обустройством нашей новой квартиры. Далось нам это тяжело и заняло достаточно продолжительное время. Помимо этого, для меня стало неприятным открытием, что Аттила – очень далёк от ручного труда, по дому он делать совершенно ничего не может. Не то чтобы стул собрать, он и не всякую инструкцию умеет разобрать. Да и мебель в Австрии привозят не раньше чем через два месяца после оплаты. В общем, с горем пополам облагородили наше жилище.

Большое неудобство для меня и дополнительная трудность были в том, что мне приходилось жить на две квартиры. Обеденное время и какую-то часть вечера я проводила в служебной квартире, а под покровом ночи перебиралась в наш с Аттилой дом. Наверное, именно в этот период я научилась искусно врать, запутывать следы, создавать истории и вести двойную жизнь.

Камчатка. Возвращение на родину.

Долгое время я собиралась поехать на родину. Мне было интересно, как там мои бывшие одноклассники, чем они занимаются, кто где работает и чего добились в жизни. И вот мне представилась такая возможность – я вновь получила на работе долгожданный отпуск и неплохие отпускные.

Мои родители и другие родственники к этому времени переехали в Москву. Сестра, как и я, осела в Европе, в Германии. Никого из моих близких на Камчатке не осталось. Но были какие-то приятели, одноклассники и давние знакомые. Вообще, поездкой туда мне, наверное, больше всего хотелось потешить своё самолюбие, показать всем, какая крутая я стала.

Мой маленький городок – особая зона Российской Федерации, въезд туда разрешён только по спецпропуску, который благодаря маминым старым связям я смогла получить. Пограничный контроль пройден, и моя машина въезжает в унылое, серое, померкшее пространство, где ходят хмурые и совершенно уставшие от жизни люди. Если честно, эти картины, от которых я уже успела отвыкнуть, успела их забыть, меня ужаснули: облезшие стены домов, полуразрушенные здания, грязные пивные с соответствующего вида посетителями и бары самого низкого пошиба, а самое главное, серые, поникшие лица людей.

На автостанции меня встретила моя одноклассница Катя. Она очень изменилась внешне, но осталась такой же хорошей и умной, какой я её помнила. Она крутится по жизни и изо всех сил пытается управлять своим собственным бизнесом – парой магазинов по продаже детских товаров и продуктов питания. У Кати есть маленькая дочка, ради которой она живёт, ради которой в принципе всё делает.

Мы долго с ней говорили, Катя рассказала о многих наших одноклассниках и друзьях детства: один покончил жизнь самоубийством, другой утонул, третий и четвёртый спились, пятый сидит на наркотиках, все девочки по два-три раза сходили замуж и воспитывают по такому же количеству детей от разных мужей. Вот она – суровая правда маленьких российских городков. Москва и Санкт-Петербург, другие города-миллионники, конечно же, цветут и пахнут, а вот посёлки, небольшие городишки и деревеньки задыхаются и погибают.

Меня всё это – реальность, которую я открываю там опять, – и ужасает, и вызывает во мне обиду, горечь и сожаление. Я вновь понимаю, какой счастливый лотерейный билет я вытянула, уехав подальше от такой разрухи, такой нищеты, такого убогого существования. Я не перестаю благодарить своих родителей, ведь именно они дали мне путевку в другую жизнь – не такую, как была уготована мне этим местом, где я родилась и выросла, – жизнь, пускай и очень суровой ценой, даже несмотря на то, что она достигнута совсем непростой ценой.

* * *

На работе мне очень нравилось: прекрасный коллектив, начальник – огромной души человек. Я чувствовала себя востребованной и значимой. Несмотря на это моя болезнь прогрессировала. Поначалу я значительно уменьшила порции еды, потом совсем исключила обед, мой завтрак составляли кофе и маленькая «киндер-шоколадка», ужин – кусочек куриного мяса и салат. Но вечерами я закупалась продуктами по полной и в служебной квартире сметала всё в один присест, а потом, конечно, шла в туалет для отработанной уже процедуры. Однако тогда

ещё я понимала, сколько и когда мне нужно есть, я контролировала чувство голода. Пройдёт немного времени, и я этот контроль потеряю.

Тогда же я начала заниматься спортом как обалдевая. Каждый день обязательная тренировка в зале и бег вечером. Я стала таять на глазах, и меня это несказанно радовало. Не проходило и дня, чтобы я не встала на весы. Если, не дай бог, я видела небольшую прибавку, на меня находили ужас и паника.

Вероятно, именно эти ужас и паника толкнули меня к алкоголю. Я позволяла себе выпить немного даже в обед.

От мужа мне всё удавалось скрывать, да он и сам не придавал особого значения моим задержкам на «спецквартире» или развлечениям с коллегами в барах и ресторанах. Аттила не находил в моём поведении ничего подозрительного. Наши с ним отношения были довольно крепкими и счастливыми. Мы радовались каждому совместно проведённому дню и наслаждались друг другом.

Пожалуй, не давала моей болезни стремительно развиваться культурная жизнь Вены: мы много ходили по музеям, концертам, ярмаркам. Кроме того, я часто была за рулём.

Через четыре года такой жизни – довольно счастливой для меня, замечу, случился своего рода апокалипсис. Моего начальника перевели в Германию, а на его место приехал другой. Если тот был душа-человек, то этот – полное г..! Он не знал и не понимал специфику и направленность нашей работы, при этом позволял себе орать абсолютно на всех, мог позвонить ночью с каким-то нелепым вопросом, швырнуть в человека папку с документами – всего не перечислить. Обстановка на работе накалялась с каждым днём. Мне всё меньше нравилось то, что я делаю, и я всё больше отдалялась от коллег.

В это же время Аттила с небольшим скандалом ушёл с прежнего места работы и начал свою карьеру в крупной деревообрабатывающей компании. Его назначили ответственным за азиатский рынок, и теперь он много летает – только и делает, что летает.

Я всё чаще и подолгу остаюсь одна, у меня нет близких людей. Австрийцы вообще довольно закрытый народ, в какую-либо компанию очень сложно влиться. Они в основном заводят дружбу в университете, а некоторые дружат ещё со школы, их ближний круг очень тесный.

Но вот в моей жизни появляется ещё один очень дорогой (и до сих пор) человек. Нет, у нас с ним не было ничего, кроме дружбы. Мы проводили огромное количество времени вместе, ездили в прекрасные места, ужинали в хороших ресторанах, пили много вина и шампанского, что и подтолкнуло меня ещё больше к алкогольной зависимости. Нет, я ни в коем случае его не виню, но не могу не осознавать, что наши поездки и встречи прямо способствовали этому.

Новые обстоятельства жизни, колоссальный внутренний стресс привели к тому, что болезнь стала властвовать надо мной. Я всё чаще переедала и блевала, пила и опять переедала, и опять пила... Мне уже не хотелось ни семьи, ни детей, я больше не ставила никаких целей. Мне было весело и легко, трудностей или вызовов судьбы я не замечала или не хотела замечать. Тогда я не могла себе сказать: «Таня, остановись, что же ты делаешь с собой?! Куда это приведёт?»

В это время в России происходит смена руководства, и после пяти лет работы мне не подписывают контракт на дальнейший срок, – надо собирать вещи и вылетать в Россию, а потом как-то возвращаться. Мой контракт до сентября, значит, оказаться в России мне нужно в это же время.

За месяц до предполагаемого отъезда я попала в аварию. Я была на мопеде своего друга. Всё произошло нелепо. Я выезжала с примыкающей дороги на главную справа, и прямо передо мной прошла поливальная машина. По главной дороге ходят трамваи, соответственно, там

проложены рельсы – на них-то я и поскользнулась передним колесом и вылетела с мопеда на асфальт.

Я в шоке. Ко мне подбегают люди и бесконечно спрашивают меня, всё ли в порядке и могу ли я самостоятельно ходить. Боли я не чувствую никакой, вроде всё на месте, поэтому подошедшим ко мне полицейским я говорю, что всё в порядке, сейчас поеду домой. Но тут у меня перестаёт сгибаться правая рука; боли нет, она просто не сгибается, и всё. Я звоню мужу. Аттила приезжает минут через пятнадцать, везёт меня в больницу на рентген. Из одной больницы нас направляют в другую, специализирующуюся на переломах. Рука моя немного распухает и в области локтя начинает синеть.

В больнице народу тьма тьмущая, как во всех подобных австрийских заведениях. Вот она, прекрасная система Евросоюза, когда к любому врачу нужно записываться за два-три месяца вперёд. Только если ты при смерти, тебя, возможно, примут на следующий день, но это не факт.

И вот мы заполняем необходимые документы, проходим регистрацию, часа два ждём очереди на рентген. Рентген показывает перелом локтевой кости и необходимость загипсовки от ладони до плеча правой руки. Это ужасно! Я абсолютная правша, левой рукой ничего вообще делать не могу! Однако выбора нет.

Я на всякий случай отправляю снимки папе (он работает в больнице), он показывает их своим хирургам, и те в один голос говорят: необходимо вставлять пластину, чтобы перелом быстрее сросся. Это означает: в Россию надо лететь срочно.

Несмотря на это мы с Аттилой всё-таки приняли решение остаться в Австрии и просто наложить гипс. Это было в корне неверное решение, но, увы, случилось то, что случилось – отца и российских хирургов я не послушала.

Мне наложили гипс. А дома ночью у меня началась ужасная пульсация в руке. Это не просто боль – что-то действительно не в порядке, так не должно быть. Мы опять едем в клинику. Гипс вскрыли. Врачи говорят, ещё бы чуть-чуть, и я лишилась руки: гипс перетянул подход крови к тканям кожи. На следующий день опухоль спала, и гипс теперь болтается на руке, никак не фиксируя её. Мы опять едем в больницу. После моих долгих уговоров врачи решают снять нынешний гипс и наложить специальный пластиковый, более лёгкий. Такова без прикрас австрийская система здравоохранения.

Разумеется, с такой травмой я должна быть на больничном, но начальник, лишённый всякой эмпатии, постоянно вызывает меня на работу и даёт тупые поручения. Моя рука заживает медленнее, чем мне этого хотелось бы. К тому же мне нужно собрать вещи в служебной квартире и вымыть её, поскольку через месяц у меня заканчивается контракт.

Огромнейшее спасибо моей семье, которая мобилизовалась и всем составом приехала ко мне на помощь. Аттила даже при большом желании в этом деле мне помочь не смог бы. По закону граждане России, находящиеся на государственной службе при посольствах Российской Федерации в других странах, не могут иметь никаких, кроме деловых, связей с иностранными гражданами, в противном случае они немедленно высылаются обратно на родину.

В это же время я провернула небольшое дельце: заменила рабочую карточку на карточку вида на жительство, что было сделать совсем нелегко, но у меня получилось.

Что касается моей болезни, она набирала обороты. Я или не ела совсем, или объедалась, а потом шла очищаться. С помощью левой руки. И, вообще-то, довольно ловко. Происходило это каждый день.

И вот настал день, когда я попрощалась со всеми своими коллегами. К слову, никто даже не сказал мне спасибо за, как я считаю, отличную работу. Впрочем, это, наверное, действительность нашего времени, из-за которой сначала расстраиваешься, а потом воспринимаешь как что-то обыденное.

Я прилетела в Россию, сдала все необходимые документы в своё министерство и стала свободна от всякого рода дипломатической кабалы.

Спустя месяца три после моего обратного возвращения из России в Австрию наши с мужем отношения стали ухудшаться. Он не понимал, что происходит со мной, всё больше и больше раздражался, и, я бы даже сказала, начинал ненавидеть меня. К тому же в моей жизни появился ещё один человек, к которому я испытывала достаточно сильные чувства, оставаясь тем не менее верной своему мужу.

В июне 2017 года мы с Аттилой поехали на отдых в Румынию, где я, скорее ради прикола, умудрилась заполнить рабочую анкету в одну из австрийских фирм. Позиция была вроде бы неплохая, да и работа достаточно интересная. К большому моему удивлению, мне тут же позволили и попросили прийти на собеседование. Вторым моим удивлением было то, что меня согласились подождать до моего возвращения из отпуска.

Мы вернулись домой через две недели. В конце заключительного собеседования меня попросили выйти на работу как можно быстрее. Я не могла поверить своей удаче. В работу я бросилась с головой. Она очень мне нравилась. Но болезнь всё больше и больше ей мешала. Не только работе – всей моей жизни. Я слишком много выпивала: просто не мыслила свой вечер без двух, трёх, четырёх бутылок пива. При этом я пробегала в день по десять километров и делала множество физических упражнений. Оглядываясь назад, я не понимаю, как мой организм смог это всё вынести. У меня был полный разлад со своим телом. Я относилась к нему как к вещи, а не к чему-то по-настоящему ценному, невосполнимому. Я рассматривала своё тело не как естественную и неотъемлемую часть себя, а так, словно оно было моим костюмом.

Глава восьмая. SoWhat. Моя терапия

Однажды я всё же решилась рассказать всё мужу. У меня просто кончились силы, я больше не могла справляться со своей болезнью сама. Я надеялась, что он всё поймёт, поддержит и поможет, и я наконец выкарабкаюсь из трясины, которая затягивала меня всё глубже. Муж реагирует достаточно спокойно. Говорит, он давно подозревал, что со мной что-то не так, а теперь, когда всё выяснилось, готов бороться и помогать мне.

Совершенно случайно-специальным образом мой муж наткнулся на небольшую статью в интернете об организации *sowhat*¹, помогающей девушкам и женщинам с такими расстройствами, как булимия и анорексия.

Организация полностью государственная, поэтому помощь оказывает на безвозмездной основе. Конечно же, я сразу обратилась туда.

Эмблема организации sowhat

Прежде всего нужно было пройти обязательную консультацию терапевта и общего психолога – они дают заключение о необходимости занятий со специалистами *sowhat* как в индивидуальном, так и в групповом порядке. Мне назначили курс терапии без госпитализации, так как мой вес на тот момент не переходил черту минимального индекса массы тела. Я весила примерно 50 кг на протяжении двух последних лет. Тем не менее для меня это был вес крайне недостаточный, дефицит вызвал аменорею (пропали месячные). Гинекологи прописали мне специальные гормоны, которые я должна была принимать каждодневно (я продолжаю это делать и сейчас).

В *sowhat* я занималась с личным психологом два раза в неделю и посещала групповую терапию. Помогло ли мне это? Скорее, болезнь замедлилась, перестала прогрессировать. С психологом мне было достаточно тяжело общаться. Хотя я и знаю немецкий на очень хорошем уровне, но высказать всю глубину своих переживаний на неродном языке оказалось совсем не просто. К тому же австрийский менталитет, традиции и уставы довольно сильно отличаются от российских.

¹ Ориг. нем.: Kompetenzzentrum für Menschen mit Essstörungen *sowhat*. URL: <http://www.sowhat.at>.

Групповые занятия, наоборот, очень мне нравились. Мы учились расслабляться, чувствовать себя в гармонии с телом, больше его понимать и давать ему отдых. Очень часто, или практически всегда, при расстройствах пищевого поведения человек работает на износ, не давая себе никакого отдыха, напрочь забывая о восстановлении, накоплении растроченных сил.

В *sowhat* я всё больше узнаю о своей болезни. Я начинаю видеть, что не одна такая, что вокруг меня тысячи девушек и женщин, страдающих тем же недугом, что и я. Собирая информацию о своём заболевании, я не раз наткнулась на официальные статьи о нём, опубликованные в известных австрийских информационных изданиях и на интернет-сайтах.

Каждая третья девочка-подросток и каждый седьмой мальчик подвержены риску развития расстройства пищевого поведения, такого как анорексия и булимия. Это новые данные крупномасштабного исследования Венского медицинского университета о расстройствах пищевого поведения и психических заболеваниях среди подростков.

По приблизительным оценкам, около 200 тыс. человек в Австрии один раз в жизни заболевают расстройством пищевого поведения – анорексией, булимией (пристрастия к еде и рвоте) или же другой формой пищевой зависимости, с наибольшей вероятностью связанной с ожирением².

(Радиовещательная компания Ö1)

Каждая пятнадцатая женщина в Австрии страдает расстройством пищевого поведения в течение своей жизни, многие в юном возрасте³.

(Австрийский провайдер цифрового телевидения APA-OTS)

Здесь, в *sowhat*, я встретила двух знакомых, которые также проходят лечение. Одна заиклена на подсчёте съеденных килокалорий (не более 1300 в день), другая, наоборот, страдает от бесконтрольных приёмов пищи. Она могла съесть «целого поросёнка» на обед, запить его сладким йогуртом, колой и на десерт съесть булочку.

У меня же случаи переедания с провоцированием рвоты стали учащаться. Я всё больше и больше ограничиваю себя в еде и просто не понимаю, что такое моя порция. Какой она должна быть по размеру, какие ингредиенты включать? Я почти не испытываю чувство голода, мне всегда кажется, что я сыта, даже если целый день вообще ничего не ела и подвергала себя физической нагрузке словно сумасшедшая. Наконец мой вес снова снизился, теперь это 49 кг – минимальный порог для меня.

В *sowhat* я проходила около шести месяцев.

² URL: <https://clck.ru/3CSb5R>

³ URL: <https://clck.ru/3CSb7Y>.

Глава девятая. Вьетнамская жизнь

Пока я усердно тружусь на благо Австрийской Республики, при этом любя свою работу (и есть за что, к тому же вместо оплачиваемых 40 часов в неделю я остаюсь в офисе примерно часов двадцать), встречаюсь с разными людьми, совершенствуя свой немецкий, болезнь вцепляется в меня мёртвой хваткой.

Осенью мужу предлагают перевестись во Вьетнам и возглавить азиатский рынок. В принципе, он этим и занимался, но не так плотно. Мы, взвесив все за и против, решаем, что это, наверное, наш шанс оставить все проблемы позади и начать жить заново.

Отъезд назначен примерно на март месяц, чтобы не спеша собрать вещи, закончить банковские и другие дела и попрощаться с друзьями. И вот мы с тремя тележками багажа готовы отправиться в путь.

Знали бы мы, с какими трудностями столкнёмся во Вьетнаме!

*Обыкновенное каждодневное обмундирование
для выхода на улицу и поездки на мопеде (в маску вставлены специальные воздухоочи-
стительные
фильтры из-за очень сильного загрязнения воздуха)*

В Хошимине мы нашли прекрасную квартиру в районе экспатов на 29-м этаже. Вид открывался просто великолепный – на весь город. Портила впечатление только стройка, которая, казалось, была везде, куда ни посмотри, но это глобальная азиатская проблема. Вся Азия – большая стройка.

На территории нашего комплекса был большой бассейн и фитнес-зал, в которых я проводила по три-четыре часа в день, и сауна, в которой я в течение минут пятнадцати – двадцати сгоняла накопившуюся воду и, как мне казалось, подобравшийся жир.

Вечерний вид с балкона нашей съемной квартиры

Я перестала есть углеводы – я забыла их вкус. Я питалась только овощами и кое-какими молочными продуктами. На самом деле с молочными продуктами всё было плохо: на вьетнамских прилавках практически нет молочного, а то, что есть, – сплошной сахар.

Всё это не могло не усугубить моего состояния. Страдает не только моё тело, но и психика. Нашим отношениям с Аттилой это точно не на пользу. Мы чаще ругаемся, я больше нервничаю, гашу это перееданиями с рвотой или алкоголем.

Каждый день я встаю с убеждением, что вчера был последний такой день, а сегодня всё будет по-другому. Но вечером, после тренировки, я снова иду за пивом и, спрятавшись в туалете, украдкой его выпиваю, зажёвывая жвачкой.

Я прячу алкоголь дома в самые разные укромные места, я всячески изошряюсь во вранье, и это происходит регулярно. Муж находит одну за другой мои заначки, злится, но в то же время жалеет и старается мне помочь. Но он не авторитет для меня, он ничего не может сделать. Мой порабощённый болезнью разум не считается с Аттилой, с моими чувствами к нему.

Жизнь моя стала проклятым замкнутым кругом, из которого невозможно выбраться: подъём – плавание – преподавание английского или русского – тренировка – алкоголь – переедание – рвота.

Мой каждодневный ритуал не требовал много хитрости. Аттила летает много и часто, я принадлежу сама себе. Когда же он дома, для очищения я нахожу свободный туалет на территории нашего жилого комплекса, а иногда там же, между бачком унитаза и стеной, прячу

пиво. Я чувствую глубокое одиночество: родители далеко, Аттила бессилен, профессиональная медицинская помощь недоступна.

Я не встречаюсь с друзьями, потому что больше не могу держать себя в руках: обязательно напьюсь или объежусь. Способствовало этому и то, что во Вьетнаме практически нет мест, где можно спокойно пройтись, или отдохнуть в теничке на скамейке, или посмотреть спектакль. Всё здесь сводится к разговорам о еде и выпивке. Что у тебя было сегодня на ланч? А ты уже поужинал? О боже, уже десять утра, а мы ещё не позавтракали!

Тем не менее я работаю. И как преподаватель английского и русского языков, и как модель в рекламных компаниях. И никто, никто не замечает, что я не в порядке. Напротив, окружающие восхищаются тем, как много я могу съесть, а при этом остаюсь всегда худенькой.

Глядя сейчас на свои вьетнамские фотографии, я испытываю ужас: как я могла сотворить с собой такое, как я могла так издеваться над своим собственным телом?! И как такое могло кому-то нравиться: кожа да кости – ни капельки женственной красоты.

*Один из фотосессий для рекламы
купальных костюмов*

Из-за постоянной рвоты у меня ломаются зубы, увеличены слюнные железы, которые при каждом приёме пищи ещё больше набухают и болят. Но даже это не останавливает меня от ежедневного переедания и дальнейшего очищения.

Моя жизнь подчинена лишь еде.

Мысли о сексе или ласках с мужем уходят на десятый план. Мне всё это неинтересно: не только секс, но и флирт, и даже уход за собой. Быть красивой и ухоженной молодой женщиной – я не думаю об этом. Этим мыслям, стремлениям не способствует сам образ жизни

Вьетнама, где люди ходят по улице чуть не в пижаме, обуты в вечные сланцы на босу ногу, плюются и чавкают без всякого зазрения совести.

Примерно через год такого существования я вешу 44 кг. Мой муж ужасно устал от моих выходов, но всё ещё готов поддерживать меня в борьбе с болезнью. Что бы было, если бы он тогда отстранился от меня? А ведь я даже представить себе не могу, как это – жить с человеком, страдающим расстройством пищевого поведения! Но он оставался рядом, поддерживал меня как умел, и я очень благодарна ему за это.

В конце зимы я еду на пару недель в Москву, чтобы провести плановую операцию на ноге. Меня уже довольно долго мучает непонятная боль в тазобедренном суставе. Она вроде бы несильная, но всё же неприятная и вызывает небольшой дискомфорт при ходьбе.

Мама, увидев меня, заплакала. Родители не понимали, как я могла довести себя до такого состояния. Они ещё не знали о моей болезни, а лишь догадывались, что у меня анорексия, а булимию даже не предполагали. Они и сейчас не хотят верить, что люди могут страдать такой болезнью.

Despair. Eating Disorder
Рисунок Юли Г.

Прописанный врачами после операции покой я всячески нарушаю. Мне кажется, если я буду просто сидеть, то сразу же поправлюсь до слоновьих размеров. Я много хожу и делаю небольшие физические упражнения, что совсем не полезно моей ноге. И конечно, я по-прежнему пью украдкой и занимаюсь обжорством. Однажды ночью мама чует от меня запах алкоголя и впадает в ярость. Она ищет припрятанные мной бутылки пива и, к моему ужасу, находит. Такой я не видала её никогда – фурия!

Этот инцидент приводит родителей к решению выкрасть мой паспорт и все документы, чтобы я не смогла вылететь из России и осталась здесь на лечении. К этому я не готова совсем. Я умоляю папу отдать мне паспорт, но он непреклонен. Тогда я в свою очередь додумываюсь до того, чтобы сделать второй загранпаспорт и в срочном порядке вылететь во Вьетнам.

Сейчас я часто себя спрашиваю: зачем? Что такого прекрасного меня там ждало? Почему я не занялась своим здоровьем? Ответов я не нахожу.

Паспорт всё-таки мне удаётся получить обманом: мол, документ мне необходим, чтобы сдать билет во Вьетнам. Я бронирую время в отделе УФМС и пулей лечу туда – буквально за час нужно успеть всё проверить. Столько времени дал мне отец. Судьба благоволит мне.

Однако мой новый загранпаспорт будет готов только через месяц, так что надо провести это время с пользой. В этот месяц я обучилась покраске и архитектуре бровей и ламинированию ресниц. Это была моя давняя мечта. И вот я дипломированный специалист с несколькими сертификатами и готова к практической работе.

Прошло две недели после радикальных мер, предпринятых моими родителями ради моего спасения, когда мы наконец смогли конструктивно об этом поговорить. Они убедили меня лечиться именно в России. Менталитетом и душой я русский человек, на русском языке мне будет легче говорить о своих проблемах со специалистом, особенно с психологом на терапии.

Конечно, о лечении я задумывалась и раньше, поскольку понимала, как далеко всё зашло. Я разучилась есть: не знала, как часто это делать, какого размера должна быть моя порция, что должно составлять мой рацион... Но, к сожалению, понимать и быть готовой не одно и то же. А я была тотально не готова принимать помощь.

Мы говорим с родителями о том, что я полечу во Вьетнам, но только чтобы закончить важные дела, а потом я вернусь в Россию на лечение.

Но стоило мне оказаться во Вьетнаме, мою решимость как рукой сняло. С одной стороны, я вымотана болезнью и хочу новой, здоровой, жизни, но в то же время не очень-то желаю прощаться с уже привычным мне ритмом, и то, что со мной происходит, вдруг перестаёт казаться чем-то ужасным. Моя нынешняя жизнь, такая, какой я её сделала, абсолютно предсказуема, я знаю, что буду делать в течение дня по минутам. Трудно решиться всё перевернуть.

Жизнь порой сама подталкивает нас к неизбежным решениям. Но до времени всё оставалось по-прежнему. Впрочем, всё же новое в моём вьетнамском укладе появилось.

Совершенно случайно я познакомилась с хозяйкой одного из салонов красоты в Сайгоне. Лан, так её звали, была нетипичной вьетнамкой, жаждущей лишь быстрых и лёгких денег от бизнеса. Мы разговорились, и я представила себя, несколько приукрасив, профессиональным мастером по работе с бровями и ресницами. Лан пришла в восторг – совсем недавно она думала о том, чтобы открыть эти два направления у себя в салоне. И вот мы заключаем договор: я буду работать у неё, но на себя, являясь лишь европейским лицом её бренда, полностью оборудую своё помещение и за дополнительную плату обучу её трёх сотрудниц премудростям моего мастерства.

Около четырёх месяцев я проработала в бьюти-индустрии, причём очень напряжённо. Болезнь снова нарастает. Переедания у меня теперь случаются по четыре-пять раз в день, и столько же раз я прибегаю к очищению. Не знаю, как собрала я остатки силы воли, но всё-таки приняла решение ехать в Россию и пройти там лечение, которое, конечно же, не принесёт мне быстрого результата. Перелопатив весь интернет, я нашла частный Центр изучения расстройств пищевого поведения (ЦИРПП) в Москве. На тот момент это единственное заведение, специализирующееся на РПП.

Решение принято, назад пути нет...

Глава десятая. В стационаре ЦИРПП

Данная глава не похожа на все предыдущие главы. Она включает в себя не только записи из моего собственного дневника, но и чужие истории, рассказанные и доверенные мне другими пациентами Центра изучения расстройств пищевого поведения (ЦИРПП), в который первый раз я попала в 2019 году и провела там в стационаре полтора месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.